

Екатерина Баженова

(Не) желанная
СЕРОГО ВОЛКА
с проклятых болот

Екатерина Баженова

**(Не) желанная для серого
волка с проклятых болот**

«Автор»

2026

Баженова Е.

(Не) желанная для серого волка с проклятых болот /
Е. Баженова — «Автор», 2026

После очередной измены моего парня я в сердцах пожелала встретить истинную любовь. Демон принял это за буквальный заказ. Меня выдернули из привычной жизни и швырнули в самое сердце проклятых Васюганских болот. Моим новым домом стала клетка, а соседями — стая оборотней-волков, десять лет отрезанных от мира. Их вожак, суровый Ростислав, видит во мне не спасение, а угрозу или уловку врагов. Чтобы выжить и вернуться, мне придётся растопить лёд в сердце этого дикого Альфы и доказать, что я — не пешка в чужой игре. Но как заслужить доверие того, кто считает каждую улыбку ложью, а каждую слезу — манипуляцией? И что, если моё появление здесь — единственный ключ к снятию древнего проклятия, обрекшего стаю на вечное одиночество? От автора: Эта история - спин-офф циклов "Твой Волк" и "Твой медведь", а также Катюша - лучшая подруга нашей ведьмочки из "Босс Чёрт и тайна истинной ведьмы"

© Баженова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

(Не) желанная для серого волка с проклятых болот

Глава 1

Меня засасывает.

Буквально.

Тёмная жижa обнимает меня мерзкими объятиями, подбираясь к груди.

Дышу как паровоз, сердце колотится где-то в горле.

— Помогите! — хриплю я, и мой крик тонет в темноте.

Страх, пронизывающий до костей, поглощает. Я не хочу так. Не хочу умирать в этой чёртовой грязной луже, ещё и в одиночестве!

Рука нащупывает что-то твёрдое — скользкую ветку. Цепляюсь за неё, как за спасательный круг. Вишу на ней, как обезьяна на лиане.

Вся моя жизнь теперь зависит от этой гниющей палки.

Ногти впиваются в древесину, ноги враскоряку. Держусь как могу.

Элегантно, ничего не скажешь.

Такого в моей жизни ещё не было.

Трясусь от холода и страха, а на берегу меня поджидают зрители. Трое волков.

Большие, серые, с горящими в сумерках жёлтыми глазами.

Следят за мной. Не двигаются.

Сидят, смотрят. Как в кино. Ждут развязки. Интересно, они предпочитают свежее мясо или недавно утонувшее их тоже устраивает?

Мысль, идиотская, но пронзает мозг: что случится раньше — я утону или они меня съедят?

Съедят, наверное. Хотя нет — утону, а потом съедят.

Удобно же.

В глазах темнеет от слёз, которые тут же смешиваются с болотной водой на щеках.

Как я здесь оказалась?

Это же просто невозможно!

Или?

Пытаюсь успокоиться и восстановить ход событий, пока спасение мне не светит.

Перед глазами сразу возникает Славик. Его самодовольная рожа, когда он смотрел на меня, а его рука лежала на талии той... той стервы.

Его слова:

«Успокойся, Катъ, это ничего не значит. Ты же не ребёнок. Мы уже столько раз проходили через это».

А потом...

Потом я поняла, что это было последней каплей.

Я вернулась домой. А там Лика. Она была не одна. Её новый парень, тот, что из клуба, стоял в кухонном проёме и наблюдал за моей истерикой.

А я, вся в слезах орала что-то о... об истинной любви. О том, что хочу, как Тея. Хочу, чтобы меня носили на руках. Чтобы больше никогда не предавали.

Лика, конечно, пыталась отговорить меня, но... было поздно.

Щелчок. Тихий, чёткий, будто пощёчина.

Всё. Провал. Темнота. А потом — вот это.

Холод. Вонь. И волки.

Ну вот, Катя, поздравляю — желание сбылось. Тебя сейчас или утопят, или съедят. На руках, ясное дело, никто носить не будет. Видимо, истинная любовь — это не про меня.

— Помогите! — воплю, раз есть волки, может, есть и охотники?

Серые твари встают. Подходят ближе. Один облизывается. Ну всё, пиши пропало.

— Я невкусная! — кричу я отчаянно. — У меня аллергия! Я заразная!

Господи, да замолчи ты. Что несу?

Волки на берегу вдруг замирают, уши прижимаются к головам. Слышу негромкое рычание. Вздрагиваю. А кровь в жилах стынет, будто мне было мало пережитого!

Из-за деревьев выходит он.

Высокий. Очень. Широкоплечий. В одних штанах, заляпанных грязью. Торс голый, и я вижу каждый кубик его пресса. Каждый мускул.

Чёрные волосы спадают на лоб. Лицо — жёсткое. А глаза... жёлтые. Холодные. Он смотрит на волков, и те, не раздумывая, разворачиваются и исчезают в чаще.

Потом его взгляд падает на меня. Он медленно обходит трясину и останавливается на краю. Стоит и смотрит, как я вишу на своём корявом спасательном круге.

А я пялюсь на него, не в силах вымолвить ни слова и напрочь забыв, что тону.

Он делает несколько шагов по краю твёрдой земли, его ноги уверенно ступают по кочкам.

Мужчина прикидывает что-то глазами, а потом, не говоря ни слова, шагает в воду.

Он идёт ко мне, будто болото — это сухой асфальт. Вода едва доходит ему до колен. Он наклоняется, и его огромные, горячие руки обхватывают меня.

Одним движением он выдёргивает меня из трясины с таким звуком, будто вытаскивает пробку из бутылки.

Я, вся облепленная холодной грязью, трясусь и уже стучу зубами. А красавчик легко, будто пёрышко, берёт на руки.

Ладно, поторопилась. Похоже, не всё так плохо, как я думала.

От мужчины исходит жар, словно у него внутри горит печь. Этот жар начинает понемногу отогревать моё оочевнее тело.

Он молча несёт меня. Я не могу говорить. Только дышу, прижавшись щекой к его горячей груди.

От него исходит такой дурманищий аромат, что я млею. Он пахнет... лесом, а точнее, хвоей. От этого запаха сводит живот и кружится голова.

Ладно, не буду устраивать Лике и её Чёрту, самому настоящему, между прочим, взбучку. Видимо, я должна была попасть в беду, самую настоящую, чтобы истинный нашёл меня...

Романтика, мать её.

Горячий самец несёт меня на руках. Пока почти всё, как заказывала. А эти его штаны, натянутые на... очень даже ничего попу. Ладно, с внешним видом тут полный порядок.

Я довольна. Только вот как эта истинность проявляется, спросить я не успела...

Мы выходим на тропинку.

Мужчина молча несёт меня к группе бревенчатых домов. Я уже почти оттаяла и даже начала получать какое-то извращённое удовольствие от процесса.

Он ставит меня на ноги, придерживая, потому что мои колени всё ещё дрожат. Мы стоим перед большим домом, похожим на охотничий особняк, как в кино.

— Живая? — спрашивает незнакомец.

— Пока да, — отвечаю я отряхиваясь.

Получается жалко, первое впечатление наверняка провалено. Но если верить подругам, истинному должно быть плевать на мой внешний облик...

— Спасибо, что не дали стать закуской тех волков, — добавляю я и пытаюсь улыбнуться.

Он смотрит на меня с тем же невозмутимым выражением лица, что и до этого:

— Ты кто? — его вопрос звучит как обвинение.

Глаза холодные, но в них мелькает искорка любопытства.

— Как сюда попала?

Отличные вопросы... Только что ему ответить?

«Я Катя, меня мой бывший довёл до истерики, а потом демон по щелчку пальцев исполнил моё дурацкое желание, и вот я здесь»?

Звучит как бред сумасшедшей.

Я решаюсь на прямой удар, но с другой стороны. Смотрю в его светящиеся глаза и задаю вопрос, который вертелся у меня на языке с момента появления этого симпатияги.

— Ты... ты мой истинный?

Мужчина замирает. Потом его губы медленно растягиваются в ухмылке. Беззвучной, но от этого не менее колкой.

— Истинный? — он переспрашивает, и в его голосе сквозит насмешка. — Детка, я понятия не имею, кто ты. И, что куда важнее, как ты сюда попала. Сюда никто не попадает. Никогда.

Он нависает надо мной, и я инстинктивно отступаю.

— Значит, тебя прислали. Враги. Конкуренты. Или кто-то ещё.

Он хватает меня за руку. Его пальцы — стальные оковы.

— И я во всём разберусь. Обязательно.

Он тащит меня к низкому бревенчатому сараю, распахивает дверь. Внутри пахнет пылью и старым деревом. И вот она — клетка. Большая, сварная, с массивным замком. Прямо как в зоопарке.

Не успеваю даже удивиться, как он рывком поворачивает меня и:

— Посиди-ка пока здесь, — его голос звучит окончательно, не оставляя пространства для возражений.

Он открывает дверцу и вталкивает меня внутрь. Замок с грохотом щёлкает. Я остаюсь одна в полумраке, вся в грязи, дрожа от холода и осознания того, что моя сказка об истинной любви началась с тюрьмы.

Ну что ж, Катя, поздравляю. Ты нашла своего истинного. И он только что посадил тебя в клетку. Что дальше? Подарит ошейник с шипами?

Не верьте в сказки, в них явно есть подвох, о котором умалчивают...

Глава 2

Сижу. В клетке. Вся в болотной жиже, которая потихоньку засыхает, покрывая меня коркой.

Решётка погнута, но пролезть в проём у меня не выйдет. Похоже, сбежать не получится.

В помещение входят мужчины и наблюдают за мной. Я здесь явно главное развлечение для этой мохнатой компании.

Оборотни. Сомнений нет.

Все мужики. Разные: молодые, постарше, но все как на подбор — плечистые красавцы. Их глаза горят в полумраке помещения.

Жёлтые, зелёные, карие.

Человек двадцать, или меньше. Я, будто в зоопарке, только они по ту сторону решётки, а я — экзотический зверёк.

Парень лет шестнадцати-восемнадцати осторожно приближается к клетке, а я отступаю.

— Альфа, а она прям женщина? — спрашивает он, не сводя с меня глаз, вокруг раздаются смешки.

Мои брови резко подпрыгивают.

— А что, по мне не видно? — с обидой огрызаюсь я.

Может, я и не в лучшем виде, но спутать меня с парнем невозможно!

Мужчина, что принёс меня сюда, стоит, прислонившись к дверному косяку. Пристально разглядывает меня. Тоже не уверен, кто я?

Слышу перешёптывания и удивляюсь. Такое чувство, что они тут женщин и не видели никогда.

— Что это, вообще, за обращение такое с дамой? — топаю ногой, но реакции главара не следует.

Подходит ещё один, с седыми висками и в странном балахоне, будто одевался пару веков назад.

— Пахнет человеком, — заключает он. — Но чем-то ещё. Сладковатым. Магией.

— Магией? — уточняет Альфа этого сборища. — Человек? Ничего не путаешь?

— Помилуйте, господин, — седовласый кланяется. — Надо разбираться.

Уголок губ Альфы дёргается, и он подходит ближе:

— Боишься? — в его голосе сквозит лёгкая насмешка.

— Нет, я же тут явно в безопасности, — огрызаюсь и окидываю взглядом собравшихся. — Твои волки меня здесь не тронут. И на этом спасибо.

Он хмыкает. А вокруг снова раздаются хихиканья.

Вожак смотрит на меня так, будто я предложила ему полететь на луну.

— Нет, — говорит он. — Я обезопасил вовсе не тебя. А своих от тебя.

Я что, опасна? Я же просто Катя, которая попала не туда!

— Может, представитесь хоть? — фыркаю как кошка. — И поговорим, как люди? — зываю к человеческому.

Альфа молчит. Его лицо — каменная маска. Но я вижу, как он играет своими желваками раздумывая.

— Эй! — возмущаюсь, что есть сил. — Варвары! Перед вами девушка в беде. А вы! Хоть бы помыться дали!

— Отведи её в баню, — вдруг говорит он кому-то из стоящих сзади. — Дай чистое.

Облегчение наступает молниеносно. Вот погодите! Я помоюсь, и вы все поймёте, что я — девушка, а не болотная жижа!

Меня выпускают из клетки. Молодой оборотень, краснея, протягивает мне сложенную одежду.

— Баня за домом, — бормочет он.

Воистину бойтесь своих желаний! Я хотела настоящую любовь, а не вот это вот всё!

Иду по территории поселения. Оборотни расступаются, провожая меня взглядами. Кто-то с любопытством, кто-то с опаской, а кто-то с неприкрытым интересом.

Куда я попала? Почему они так смотрят? Ну, подумаешь, грязная маленько...

Баня оказывается небольшой бревенчатой избушкой. В центре — печка, на полках — ведра с водой и деревянные ковши.

Раздеваюсь с опаской, постоянно пялюсь в маленькое окошечко. Вдруг кто решит посмотреть?

В бане жарко, а вот вода ледяная, но я не обращаю внимания. С наслаждением смываю с себя болотную грязь, вонь и всю тяжесть сегодняшнего дня.

Волосы приходится помыть раз пять, пока вода не начинает стекать чистой.

Пока моюсь, думаю о вожаке. О его холодных глазах. Может ли он быть моим истинным? Или я всё придумала?

Чёрт отправил меня сюда, чтобы я не мешалась, или это исполнение желания? Как узнать?

После бани надеваю выданную одежду — просторное льняное платье. Вполне себе женское. Так... ну, женская одежда у них есть, хотя пахнет, конечно... будто ей давно не пользовались.

Но ничего, главное, чистая...

— Эй, ты всё?! — раздаётся резкий стук в дверь, а я взвизгиваю от неожиданности.

— Всё-всё! — сердце трепыхается в груди.

Выхожу и меня провожают обратно в клетку.

Оглядываю по дороге окрестности и понимаю, меня поймают через тридцать секунд, если я надумаю бежать. Слишком много открытого пространства.

Вот это я влипла, так влипла, ещё бы знать, куда...

Альфа в сарае один, дожидается, когда оборотень, что привёл меня, тоже выйдет. Мужчина смотрит на меня. Пристально. Долго.

— Завтра, — говорит он наконец. — Ты расскажешь мне всё. Кто ты. И кто тебя прислал.

— А если я не помню? — спрашиваю я и беру за прутья решётки.

Он наклоняется так близко, что я чувствую его дыхание.

— Вспомнишь, — говорит он тихо. — Поверь мне. А теперь поспи, силы тебе понадобятся.

Подбородком он указывает за мою спину. Оборачиваюсь и вижу стопку из одеял и подушек.

Вот те на...

Спать здесь?!

Хочу возмутиться, но замечаю, как Альфа принюхивается. Неужели я плохо помылась? Слегка наклоняю голову и тоже принюхиваюсь.

— Это ваше старое платье так пахнет! — выпаливаю от обиды и обнимаю себя обеими руками.

Мужчина лишь усмехается и уходит. Слышу лязг железного замка. Похоже, меня заперли на ещё один засов...

И что мне делать?

Но тело решает само. После пережитого меня клонит в сон. Кутаюсь в одеяло и отключаюсь.

Дверь сарая скрипит, и я подпрыгиваю, попадая под луч яркого солнца из высокого окна. Щурюсь, а потом утыкаюсь взглядом в светящиеся глаза Альфы. Он сидит на стуле посреди сарая и неотрывно смотрит на меня.

От неожиданности взвизгиваю:

— А-а-а! Ты ненормальный, что ли?

Но вижу, как сюда тот седой мужик. В руках у него чаша, из которой поднимается дымок. Пахнет травами, мёдом и чем-то горьким. Завтрак?

Или отрава?

— Тихомир, — представляется он.

— Катя, — натянуто улыбаюсь, но с опаской поглядываю на Альфу, который никак не назовёт своего имени.

Старик садится перед клеткой, его длинные и костлявые пальцы сжимают край чаши. Он бормочет что-то под нос, а дым становится гуще, обволакивая решётку.

— Дай руку, дитя, — говорит он.

Как заворожённая, медленно просовываю руку между прутьев. Пальцы предательски дрожат.

Он хватает моё запястье и начинает напевать что-то монотонное, раскачиваясь в такт.

Дым становится таким густым, что я почти не вижу лиц окружающих. Лишь слышу, как в сарай продолжают входить оборотни.

Их горящие в тумане глаза вселяют ужас. Десятки глаз, пристально следящих за ритуалом.

Вдруг чаша вспыхивает зелёным огнём. Я вздрагиваю, пытаюсь вырвать руку, но безуспешно.

— Темнота! — восклицает старик, и его глаза закатываются. — На ней печать тёмных сил! Чужак привёл её сюда! Сила тьмы на ней!

Сердце замирает. Чёрт! Демьян! Этот щелчок!

— Чья сила? — раздаётся твёрдый голос Альфы.

— Не знаю, — качает головой Тихомир. — Древняя. Чужая. От неё надо избавиться, Ростислав!

Старик отдёргивает свою руку от моей, словно обжёгся. Я тру пальцы, чувствуя, как по коже бегут мурашки.

— Она принесёт только смерть и раздор! — продолжает седовласый.

В груди всё сжимается. Избавиться? Это как? Прикончить? Выкинуть обратно в болото? Или отпустить на все четыре стороны?

И тут раздаётся другой голос. Глухой, с хрипотцой.

— Подожди, брат, — посмеивается он.

Из толпы выходит высокий, почти как Альфа, мужчина. Он явно старше, а в глазах играет неприкрытое любопытство.

— Десять лет, Ростислав, — говорит он, медленно приближаясь к нам. — Десять лет наша стая не видела женщин.

Он останавливается перед клеткой, закидывает руки за спину. Смотрит на меня оценивающе.

— Как мы можем от неё избавиться? — он усмехается. — Посмотри на неё — живая, молодая, здоровая... ещё и красавица.

Я чувствую, как краснею. Он описывает меня так, словно корову на рынке продаёт. Но я же женщина!

— Она может... порадовать стаю, — продолжает он, и в его голосе скользит что-то неприятное, а у меня падает челюсть. — Мы все тут... заскучили.

— Что?! — взвизгиваю я. — Умом тронулся?

Ору, но тут его глаза вспыхивают, и я забиваюсь в самый дальний угол своей клетки.

— Я... нет... — со страхом в глазах смотрю на этого Ростислава. — Ты же Альфа! Вожак, — еле слышно выдыхаю я. — Ты же не допустишь, чтобы над девушкой надругались!

Ростислав наклоняет голову набок и явно задумывается, рассматривая меня с головы до ног.

Если выживу... убью демона, что отправил меня сюда...

Глава 3

— Нет! — вырывается у меня крик, когда этот тип — брат, или кто он там Ростиславу — делает шаг к клетке.

Я прижимаюсь спиной к холодным прутьям в своём углу. Сердце колотится так, что, кажется, вот-вот выпрыгнет.

Мои глаза бешено мечутся по сараю, выискивая хоть каплю поддержки.

Некоторые оборотни смотрят с любопытством, другие — с тем же голодным блеском в глазах, что и этот мужик.

Десять лет без женщин. Я — не человек, я — дичь, брошенная в вольер к голодным хищникам.

— Велимир! — рывкает Ростислав так, что у меня волосы на руках встают дыбом.

Я смотрю прямо на Альфу, умоляюще, впиваясь взглядом в его каменное лицо.

Он стоит, скрестив руки, и его светящиеся глаза медленно скользят по моему лицу, потом переходят на этого сумасшедшего Велимира, на стаю.

В сарае повисает тягостная тишина, прерываемая только моим учащённым дыханием.

— Мы не животные, Велимир, — низко и с нажимом говорит Ростислав. — Мы до такого не опускаемся. Кем бы она ни была и кто бы ни прислал её, она женщина.

Велимир фыркает, широко ухмыляясь.

— О, братец! — он разводит руками, обращаясь к стае. — Мы — оборотни! Мы — плоть и кровь, инстинкты! Десять лет! А тут настоящая и тёплая женщина. Да здесь разве что глупец не мечтает...

— Рот закрой, — Ростислав не даёт договорить брату.

По толпе пробегает сдержанный ропот. Кто-то одобрительно хмыкает. Я вижу, как несколько пар глаз загораются с новой силой.

Чёрт. Чёрт! Он же их натравливает на меня.

— Мало ли что в неё вселилось, — пренебрежительно говорит вожак.

Он делает шаг вперёд, его голос становится твёрже, властнее. Он говорит не только брату, но и всем.

— Тихомир чувствует на ней тёмную магию. Вдруг ей именно это и нужно? Чтобы мы поддались звериному началу? Забыли, кто мы. Чтобы стая перегрызла друг другу глотки из-за одной женщины.

Эти слова действуют как ушат ледяной воды. Некоторые оборотни отводят взгляд, другие хмурятся. Велимир теряет на мгновение свою наглую ухмылку.

А я... я взрываюсь.

— Да вы все с ума посходили! — хватаюсь за прутья и трясу их изо всех сил, но те не шевелятся. — Мне не нужно, чтобы вы друг другу глотки грызли! И у меня нет никакой тёмной магии!

Я перевожу дух, грудь болезненно вздымается. Глаза наполняются слезами ярости и беспомощности.

— Мне нужно было, чтобы Славик не изменял! А в итоге я здесь, в клетке, а вы обсуждаете, какую я угрозу несусь и кому достанусь! Звери!

Ростислав смотрит на меня. Долго. Потом его взгляд скользит по стае.

— Вышли, — приказывает он. — Все, кроме шамана.

Начинается недовольное ворчание, но никто не спорит. Оборотни, бросая на меня жадные взгляды, покидают сарай.

Велимир уходит последним. На пороге он оборачивается, и его взгляд скользит по мне. Дверь закрывается. Остаёмся мы трое: я, Ростислав и старый Тихомир.

— Ты куда лезешь, ненормальная, — тут же рычит на меня Альфа.

— Я? — мои глаза чуть не выпадают из орбит.

— Нет, я. Или хочешь, чтобы я отдал тебя Велимиру?

Мотаю головой как заведённая. Никто в здравом уме не захочет этого!

— Тогда говори, — приказывает Ростислав. — Всё.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь в руках. И начинаю.

Рассказываю про Славика. Про его бесконечные измены. Про свою боль и унижение. Про Лику и её нового парня, Демьяна, который... Как бы Чёрт.

Про свою истерику, про дурацкие крики об «истинной любви». Про тот роковой щелчок.

— И... и я оказалась здесь, — заканчиваю, чувствуя, как по щекам текут предательские слёзы. — В болоте. Я думала... я действительно думала, что это сон. Или предназначение...

Ростислав слушает не перебивая. Его лицо невозмутимо.

— Тихомир, — он поворачивается к шаману.

Старик качает головой, его глаза закрыты:

— Я чувствую лишь ту же тёмную печать, господин. Источник её слов... скрыт от меня. Она может говорить правду. Или может искренне верить в это, будучи пешкой в злых руках.

Смотрю на них с нарастающим отчаянием. Они не верят мне. Ни один из них.

— Я всего лишь хотела парня, который не будет мне изменять! — выкрикиваю я, сжимая кулаки. — А не такого... такого твердолобого, упрямого, недоверчивого волкодава, как ты!

Глаза Ростислава вспыхивают. Он делает шаг к клетке, а я отскакиваю.

— Поздравляю. Только я тут ни при чём? Если бы ты была моей истинной, это бы уже проявилось. А теперь. Поскольку твоя история не доказала твоей невинности, будешь сидеть здесь, пока я не решу, что с тобой делать.

Он разворачивается и идёт к выходу. Тихомир, бросив на меня последний бесстрастный взгляд, следует за ним.

— Все мужики одинаковые! Остолопы! — кричу ему в спину, вся трясясь от обиды и ярости.

Дверь с грохотом захлопывается. Замок щёлкает. Я остаюсь одна.

Опускаюсь на солому в углу клетки и обхватываю колени руками. Тихие рыдания сотрясают моё тело.

Лица была права. Она говорила, что «истинная любовь» — это не розовые пони и прогулки под луной. Тее пришлось пройти через проклятие, боль и страх, чтобы обрести своего Артура.

А я? Наивная дура, которая выпалила желание, потому что было больно и обидно! Я не думала, что это сработает. Что всё это — реально.

Сижу так, не знаю, сколько времени. Паренёк, что водил меня в баню, приносит еду и тут же убегает, будто я прокажённая.

Солнце за окном уже клонится к закату, окрашивая сарай в багровые тона. И тут дверь снова скрипит.

Поднимаю голову. В проёме, озарённый закатным светом, стоит Велимир. Он один. На его лице играет хитрая улыбка.

Меня всю начинает сотрясать от страха. Как он сюда вошёл?

Хотя чего я удивляюсь? Он — брат вожака!

Хочу крикнуть, но горло будто сжимает костлявая рука.

— Ну что, красавица, — говорит Велимир, медленно приближаясь к клетке. — Видишь ли, наш вожак — человек принципов. Скучных, старомодных принципов.

Он останавливается в паре шагов от решётки. Его глаза блестят в полумраке.

— А я... человек возможностей. И думаю, мы можем найти... взаимовыгодное решение сложившейся ситуации. Для тебя. И для меня... Что скажешь, красавица? А?

Глава 4

Велимир стоит за решёткой, и его улыбка кажется мне опаснее волчьих клыков. Я нащупываю и сжимаю в руках край одеяла — жалкое подобие щита.

— Уходи, — силюсь я сказать твёрдо, но голос предательски дрожит. — Сейчас же. Или я закричу.

— Кричи, — пожимает он плечами, не теряя ухмылки. — Кто придёт? Мой дорогой брат? Он тебя уже списал со счетов, красавица. Как бракованный товар.

Велимир делает шаг ближе, и его пальцы с ухоженными ногтями обхватывают прутья.

— Я предлагаю тебе сделку. Я выпускаю тебя. Ты уходишь. Взамен... ты мне ничего не должна. Просто исчезнешь.

Смотрю на него с подозрением, сердце колотится где-то в горле. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Почему? — выдыхаю я. — Почему ты хочешь мне помочь?

— Потому что я не желаю тебе зла, — его голос становится сладким, почти заботливым. — В отличие от моего брата. Он уже принял решение.

Велимир замолкает, делая драматическую паузу. Его глаза сужаются, а моё сердце готово выскочить из груди и убежать куда подальше.

— К-какое?

Что вообще может быть хуже, чем предложение этого Велимира перед всей стаей?

— Ростислав решил принести тебя в жертву. Сегодня ночью. Тихомир уверяет, что твоя кровь, отмеченная тёмной магией, снимет проклятие.

Ледяная волна страха накатывает на меня. Жертва? Кровь? Нет, этого не может быть. Ростислав... он же... Он не животное. Сам сказал...

— Врёшь, — шепчу я, но в голосе нет уверенности.

Откуда мне знать? Может, он против того, что меня, так сказать, попортили, а вот убить... это же другое дело? Но зачем тогда спасал? Или убить надо по-особенному?

— Не веришь? — Велимир притворно огорчается. — Пойдём, посмотрим. Увидишь всё своими глазами. Алтарь уже готовят.

Он достаёт ключ. Массивный, железный. Щелчок замка звучит как выстрел. Дверца клетки скрипит открываясь.

— Иди, — говорит он, отступая на шаг и давая мне пространство. — Или оставайся ждать своей участи. Выбор за тобой.

Сердце бешено стучит. Это ловушка. Наверняка ловушка. Но что, если он говорит правду? Сидеть здесь и ждать, когда за мной придут, чтобы перерезать горло?

Медленно, как во сне, выползаю из клетки. Ноги дрожат, еле стою на них.

— Держись подальше, — предупреждаю я его, отступая к стене.

— Конечно, красавица, конечно, — Велимир ухмыляется и указывает на узкую, почти невидимую дверь в задней части сарая. — Сюда. По служебным ходам. Чтобы никто не увидел.

Мы идём по тёмному, низкому коридору. Стены из грубых брёвен пахнут сыростью. Велимир движется бесшумно, как тень. Я плетусь за ним, стараясь сохранять дистанцию.

— Так что у вас тут произошло? — шёпотом спрашиваю я.

— Проклятие, — тихо отвечает он не оборачиваясь. — Десять лет мы заперты здесь. Женщины исчезли в первый же день. Просто растворились в воздухе. Мы перепробовали всё — ритуалы, заклинания, переговоры с другими кланами. Ничего не помогло.

Он бросает на меня взгляд через плечо.

— А теперь появилась ты. Загадочная, пахнущая магией. И мой брат, наш великий альфа, думает, что выход — перерезать тебе глотку на древнем камне. Глупо, не правда ли?

— А что... предлагаешь ты? — осторожно спрашиваю, петляя за ним по лабиринту переходов.

— Есть другой способ снять проклятие, — его голос становится заговорщицким. — Более... приятный. Ты же говорила об истинности. Если бы ты была чьей-то истинной... это могло бы разорвать чары.

Он притормаживает и усмехается:

— Если бы ты, скажем, стала моей женщиной... мы спасли бы стаю. А я стал бы новым вожаком. Спасителем. И ты была бы со мной. Живая. Целая.

Меня тошнит от этих слов. Стать его женщиной? Спасти стаю, свергнув Ростислава? Это отвратительно! Как можно так с собственным братом?

— Я ничья женщина, — шиплю в ответ. — И уж точно не твоя.

Он лишь снова усмехается в темноте.

Впереди показывается свет, и доносится приглушённый гул голосов. Велимир останавливается у дверного проёма, затянутого грубой тканью.

— Смотри, — шепчет он. — И слушай.

Я припадаю к щели между тканью и косяком. Сердце замирает.

Мы в большом помещении, похожем на пещеру или ритуальный зал. В центре — огромная каменная плита, отполированная до тёмного блеска.

Алтарь?

Рядом с ним Тихомир. Он что-то растирает в каменной ступе, его губы беззвучно шевелятся.

Вокруг столпились несколько оборотней. Тех, что я видела в сарае.

— ...а грудку мне, я люблю нежное мясо, — говорит один, молодой, с хищным блеском в глазах.

Машинально кладу руки на грудь. Они собираются не только убить меня, но и съесть?

— Дурак, — отмахивается другой, постарше. — На ритуальном пиру всё делится по старшинству.

— А может, зажарить? — предлагает третий облизываясь. — С травами. Давно нормального жаркого не ели.

— Тихомир говорит, только сырую, с кровью, — возражает первый. — Чтобы сила магии перешла к нам.

Кровь стынет в жилах. Они... они обсуждают, как приготовить меня? Как разделить моё тело? Это не просто жертвоприношение. Это... пир оборотней!

Я отскакиваю от проёма, как ошпаренная. Дыхание перехватывает. Велимир смотрит на меня с каким-то странным, торжествующим выражением.

— Ну что, веришь теперь, красавица?

Что-то во мне обрывается. Страх сменяется чистой, белой яростью.

Эти Волки! Все до одного! Варвары! Людоеды!

— Ах так? — вырывается у меня шёпот, переходящий в крик. — Вы съесть меня вздумали?!

Я срываюсь с места. Выбегаю из тёмного коридора прямо в освещённый зал.

— Варвары! — ору я, и мой голос эхом разносится под сводами. — Людоеды! Что вы такое задумали? Вы что, людей едите?!

Все замирают. Оборотни смотрят на меня с открытыми ртами. Тихомир роняет свою ступу, и она с грохотом разламывается.

Велимир выскакивает за мной, пытается схватить за руку.

— Катя, успокойся...

— Не трогай меня! — я вырываюсь, отшатываясь к алтарю, тычу в них дрожащим пальцем. — Я думала, вы оборотни, а вы... вы монстры!

И тут из тени за алтарём выходит Ростислав.

Его лицо мрачно. В одной руке он держит окровавленный топор. Вторая рука и грудь залиты свежей, тёмной кровью.

Он дышит тяжело, его глаза горят холодным огнём.

— Кто, — говорит он тихим, но чётким голосом, который режет тишину, — тебя выпустил?

Глава 5

Он бросает тяжёлый взгляд на Велимира, который замер с вытянутой рукой. Потом смотрит на Тихомира и оборотней, застывших в немых позах.

— Варвар! — бросаю ему в лицо. — Как можно есть людей?

— Кто тебе сказал, что мы тебя есть собрались? — всё таким же монотонным голосом спрашивает Альфа.

Мечусь взглядом по стае, но невольно выдаю Велимира.

Тишина в пещере становится такой густой, что ею можно подавиться. Все смотрят на Ростислава и его окровавленный топор, потом на меня.

А он смотрит прямо на меня, и в его глазах видна явная насмешка.

Он медленно опускает топор.

— Если мы такие варвары, — начинает он, и его голос звучит спокойно, — и хотим тебя съесть... то почему ты, милая, не сбежала? Почему вышла прямо к нам? В пасть к голодным волкам, так сказать.

По толпе пробегают сдержанный смешок. Кто-то фыркает. И вот уже вся пещера оглашается грубым хохотом. Они смеются надо мной. Над моим страхом, над моей истерикой.

Стою, покрасневшая до корней волос, чувствуя себя последней дурой.

Ростислав делает ко мне шаг. Потом ещё один. Он нависает надо мной, весь в крови, и его близость заставляет сердце бешено колотиться — уже не только от страха.

— Как ты выбралась из клетки? — шепчет он.

Открываю рот, чтобы ответить, но ничего не выходит. Что я могу сказать?

«Твой брат, который сейчас стоит тут и ухмыляется, выпустил меня и наговорил с три короба»?

Но он же мой единственный «спаситель» в этой звериной стае! Мечусь взглядом, ищу Велимира и замечаю, как его ухмылка становится немного напряжённой.

— Я... я... — мямлю, чувствуя, как горит лицо.

И тут Велимир выходит вперёд, разводя руками с видом невинной овечки.

— Так и знал, что не надо открывать клетку! — говорит он, качая головой с притворным упреком. — Хотел просто покормить, принёс ужин, а она выскользнула! Проворная какая!

У меня отвисает челюсть. Какая наглость! Какое бесстыдное враньё!

— Это ложь! — выкрикиваю я, находя, наконец, силы противостоять этому.

Тычу пальцем в Велимира, мой палец дрожит от ярости.

— Он выпустил меня! Сказал, что вы решили принести меня в жертву и съесть! Он вёл меня сюда тайными ходами! И... и он предлагал мне стать его женщиной! Говорил, что это снимет проклятие, а он станет вожаком!

После моих слов гул в пещере стихает разом. Смех обрывается. Теперь все смотрят не на меня, а на Велимира. Воздух снова становится густым, но на этот раз — от напряжения.

Ростислав медленно поворачивается к брату. Его лицо — само безразличие, но глаза горят холодным жёлтым огнём.

— Интересно, — говорит он тихо. — Очень интересно. Две версии. И обе такие... занимательные.

Он смотрит то на меня, то на брата. Велимир стоит, стараясь сохранить маску безразличия, но я вижу, как напряглись его плечи.

— Готовьте пока нашу косулю, — командует Ростислав, не отводя взгляда от брата. — А мы... пойдём поговорим. Тихомир, иди за нами.

Только сейчас до меня доходит. Косулю. Они готовили косулю. И вовсе не собирались готовить меня.

Смотрю на тушу животного в углу, на окровавленный топор в руке Ростислава, на растерянные лица оборотней, которые всего минуту назад с таким аппетитом обсуждали «нежное мясо». И мне хочется провалиться сквозь землю.

Ростислав, кажется, читает мои мысли. Он поворачивается ко мне, и в его глазах снова появляется эта чёртова насмешка.

— А ты думала, тебя готовить будем? — он слегка наклоняет голову, а потом добавляет еле слышно. — Ты, конечно, аппетитная, но... не в том смысле.

От его слов по телу разливается странное тепло. Стыд, злость и какая-то дурацкая надежда смешиваются в коктейль, от которого кружится голова.

— Я, может, и аппетитная, — выпаливаю я, поднимая подбородок, пытаюсь сохранить остатки достоинства, — но согласна только на истинного!

Ростислав фыркает.

— О какой истинности ты опять завела речь? — в его голосе слышится усталое раздражение. — У нас в клане десять лет не было ни одной женщины. Ни одной. Какая, к чёрту, истинность?

— Ты бы поаккуратнее с этими чертями, — бормочу. — Я серьёзно. Знаю одного, который бездумно отправляет людей в болота...

Ловлю на себе заинтересованный взгляд Ростислава и быстро меняю тему:

— А где они? — не унимаюсь я. — Ваши женщины?

— Мы тоже хотели бы это знать! — его голос внезапно гремит громче, чем я ожидала, эхо раскатывается по пещере. — Они исчезли! Растворились в воздухе! Поэтому, — он снова подходит ко мне вплотную, и его запах окутывает меня, — мне ОСОБО интересно, как ТЫ здесь оказалась. За эти десять лет сюда умудрялись проникнуть лишь мужчины, и намерения у них были не из добрых...

— Я уже сказала! — почти плачу от бессилия. — И это правда! Меня прислал Чёрт! Исполняя моё дурацкое желание!

Ростислав смотрит на меня ещё несколько секунд, потом резко разворачивается.

— Идём, — бросает он через плечо и направляется к выходу.

Заходим в бревенчатый дом — дом Ростислава. В большой комнате с камином он садится в кресло, смотрит на нас — на меня и на Велимира, стоящих посреди комнаты, как провинившихся школьников. Тихомир молча располагается у стены.

— Итак, — начинает Альфа. — У нас есть две истории. Одна — о коварной пленнице, сбежавшей при попытке накормить её. Другая — о коварном брате, предлагающем стать ему женой в обмен на власть, — он смотрит на Велимира. — Что скажешь, брат?

— Она лжёт, — холодно отвечает Велимир. — Очевидно же. Хочет внести раздор в стаю, как и говорил Тихомир. И у неё это хорошо получается.

— Я не лгу! — топаю ногой. — Это ты выпустил меня! И сказал, что Ростислав хочет меня убить!

— Доказательства? — насмешливо спрашивает Велимир.

Я замолкаю. Какие у меня доказательства? Только слова. Мои против его.

Ростислав наблюдает за нами, его пальцы медленно барабают по подлокотнику кресла.

— Напрасно вы так. Есть один обряд, — говорит он, наконец. Его голос становится тихим и опасным. — Древний. Он заставит вас сказать правду. Всю.

Велимир бледнеет. Его уверенность куда-то испаряется.

— Это... это невозможно, Ростислав, — говорит он, слегка подрагивающим голосом. — У нас нет Кристалла Истины. Он был утерян века назад.

Уголки губ Альфы медленно ползут вверх. Это не улыбка. Это оскал.

— Ошибаешься, брат. Мы нашли его. На последних раскопках, в тех же шахтах, где нас и настигло проклятие.

Он встаёт с кресла, его фигура кажется огромной в свете камина.

— Так что я узнаю правду. Какой бы она ни была...

Ростислав смотрит на меня, и в его взгляде я вижу ожидание. Понимаю, что сейчас всё решится. И мне вдруг становится до ужаса страшно.

А если этот камень покажет, что я всё выдумала? Или... что я и правда какая-то пешка в игре тёмных сил?

Откуда мне знать, какие тут магические фокусы делают? А вдруг проклятье повлияет?

Ростислав подходит к резному сундуку у стены и открывает его. Оттуда он достаёт что-то, завернутое в чёрный бархат.

Он разворачивает ткань, и в свете огня вспыхивает кристалл размером с кулак. Он переливается холодным, мерцающим светом.

— Кто первый? — спрашивает Ростислав, а у меня подкашиваются ноги.

Глава 6

Поджилки трясутся, но мозгом я понимаю, если начну отнекиваться — это станет поводом подозревать меня ещё больше. Я, может, и наивная, но всё-таки не дура.

— Да, пожалуйста, я согласна! — выпаливаю я, в ответ на вопрос Ростислава.

Голос дрожит, но я смотрю прямо на этот проклятый кристалл.

— Задавайте свои вопросы, только быстрее! Что угодно! Лишь бы доказать, что я не лгу!

Велимир резко поворачивается ко мне, его глаза сверкают.

— Ты не понимаешь, что говоришь! — шипит он. — Это не игра! Ты же человек, хрупкая... можешь не выжить! Твой разум не выдержит силы кристалла!

Но Ростислав уже не слушает его. Он одним движением хватает брата за плечо, его пальцы впиваются в его мышцы так, что даже я слышу этот хруст.

— Не волнуйся, ты не будешь свидетелем её мучений. А мы пока поговорим наедине, — его голос низок и опасен.

Ростислав отдаёт кристалл Тихомиру и буквально выдворяет Велимира из комнаты, толкая перед собой. Дверь захлопывается, оставляя меня наедине с молчаливым шаманом и мерцающим кристаллом.

Я остаюсь стоять посреди комнаты, дрожа как осиновый лист. Что я только что сделала? Согласилась на какой-то магический допрос?

От одной мысли по спине бегут мурашки.

Ростислав

Дверь захлопывается за моей спиной, отделяя меня от неё. От этого кома нервов в платье. От Тихомира с его вечным молчаливым осуждением.

Брат стоит передо мной, скрестив руки. На его лице — та же наглая ухмылка, что и всегда. Десять лет. Десять лет этой тюрьмы, и он всё ещё играет в свои игры.

— Говори правду, Велимир.

Я не повышаю голос. Мне это не нужно. Власть Альфы — это не крик. Это давление. Я чувствую, как оно исходит от меня — густая, тяжёлая волна, наполняющая маленькое пространство прихожей.

Воздух становится плотнее. Плечи брата напрягаются против его воли.

Он пытается сопротивляться. Всегда пытается. Вижу, как сводит его челюсть, как губы искривляются в беззвучном рыке.

— Я... — он выдавливает сквозь стиснутые зубы. Голос срывается. Хорошо. Значит, инстинкт подчинения работает, несмотря на то, что стая его не принимает. — Я хотел... использовать её...

— Как именно? — я усиливаю напор, вкладываю в слова всю тяжесть своего положения. — Как, брат?

— Если бы она стала моей... если бы возникла связь... — он почти задыхается, слова рвутся наружу, будто душат его. — Я думал... это может стать лазейкой. Что я смогу покинуть эти болота... с ней. Раз она попала сюда, значит, и туда сможет...

Я отпускаю давление. Резко. Он шатается, опирается о стену, ловит ртом воздух.

Тишина. Его слова висят между нами.

Чёрт. Логично. Мы ломали головы над ритуалами, над древними свитками, над проклятиями и заклинаниями. Всё, что требовало силы. А ответ... в этом? В простой человеческой связи? В этом хрупком создании?

Неужели может быть настолько гениальное проклятье? Забрать всех женщин и потребовать женщины для снятия проклятия?

Чудовищно, но гениально...

— Ты действительно так думаешь? — спрашиваю я, и голос мой звучит задумчиво. — Что связь с человеком может разорвать то, что не поддавалось нам?

— Да при чём здесь она, — бурчит брат, а в его голосе сквозит отчаяние. — Я устал сидеть и ждать, пока Тихомир попробует очередной ритуал. Десять лет, Ростислав! Я просто надеялся, что её магии хватит, чтобы выйти отсюда.

— Хватит. Хватит с меня твоих выходов. Твоих интриг. Твоих планов, которые всегда ведут к хаосу.

— Хватит? А ты?! — он отталкивается от стены, глаза горят жёлтым огнём. — Младший брат, который мной помыкает! Который отобрал то, что по праву должно было быть моим! Думаешь, мне легко?

Глупость. Древняя, как мир, и столь же неизлечимая.

— Если бы ты вёл себя как достойный лидер, а не как капризный щенок, ты бы и был на моём месте! — рычу я, и злость поднимается в горле. — Власть — это не право по рождению! Это груз ответственности за стаю! А ты думаешь только о себе! Впрочем, как и сейчас. Решил, девчонка может вывести отсюда, и даже не подумал, что станет с остальными. А с ней?

Он с размаху бьёт кулаком по стене. Дерево трещит. Я даже не вздрагиваю. Это лишь его очередная истерика.

— Я устал, брат, — говорю я тихо, глядя ему прямо в глаза. — Устал от твоих игр. В следующий раз... я не буду столь снисходителен.

Вижу, как по его лицу пробегает тень. Страх. Наконец-то. Разворачиваюсь и вхожу в комнату.

Она стоит там. Вся — сплошной дрожащий комок. Эта Катя. Смотрит на меня большими глазами, в которых плещется ужас... и упрямство. Глупая или смелая? Кто она?

— Велимир... он сказал правду? — еле слышно спрашивает она.

— Да, — отвечаю я коротко, отводя взгляд. Не могу смотреть на неё. Не сейчас.

Но глаза сами цепляются за детали. Растрёпанные чёрные волосы. Широкие глаза. Худые плечи, которые так и хочется...

Какая же она сладкая...

Мысль проносится, чужая и своя одновременно. Чёрт. Резко отворачиваюсь, сжимаю кулаки.

Нет. Это не я. Не мои мысли. Это... голод. Десять лет одиночества.

Провожу рукой по лицу, отгоняя наваждение. Нет. Невозможно. Слишком удобно. Слишком вовремя.

Снова смотрю на неё, но теперь через призму холодного расчёта.

Изверги. Кто бы её ни прислал — он знал. Знал, что мы десять лет без женщин. И прислал самое изощрённое оружие. Наивное. Испуганное. И... привлекательное. Слишком привлекательное.

Все, кто попадал сюда до неё, были воинами. Магами. Убийцами. Мы были готовы. Мы знали, как с ними бороться. Но она... другая. Идеальная ловушка.

— Все, кто попадал сюда до тебя, были врагами, — говорю я, подходя ближе.

Её запах бьёт в нос — не болота, а чего-то чистого, человеческого. Дурманит.

— Мы знали, как с ними бороться. Но ты... ты другая.

Останавливаюсь прямо перед ней. Так близко, что вижу, как вздрагивают её ресницы. И чувствую исходящее от неё тепло.

— А теперь я должен верить, что ты — случайный подарок судьбы? — качаю головой. — Слишком сказочно.

— Но это правда!

Её слова звучат искренне. Слишком искренне. Что, если Велимир прав? Если в его безумной теории есть доля истины?

Решение созревает мгновенно. Хватаю её за руку. Её кожа — мягкая, тонкая, нежная...

— Идём, — бросаю я, поворачиваясь к выходу. — Надо кое-что проверить.

— Куда?

Вывожу её за дверь, в ночь. Холодный воздух обжигает лёгкие.

Позади мелькает бледное лицо Тихомира, но мне плевать. Пусть смотрит.

Скоро всё прояснится. Так или иначе.

Как Альфа, я обязан проверить все теории, даже такие безумные, что озвучивает мой несносный брат. На мне ответственность за всю стаю.

И я не упущу ни одного шанса, смогу противостоять любым соблазнам, если понадобится!

Я могу...

Бросаю взгляд на Катю и тяжело вздыхаю.

Я должен.

Глава 7

Меня всю колотит от страха:

— Куда? — спрашиваю я, но ответа не получаю.

Выходим на улицу. Ростислав замирает и смотрит на меня.

— Что? — удивлённо спрашиваю.

Тягает меня как куклу, а я ещё даже не ужинала, между прочим. О чём и сообщает мой живот, нагло урча.

Ростислав переводит взгляд на мой живот и хмурится:

— Велимир не покормил тебя?

— И не пытался, — бормочу в ответ.

Он ведёт меня обратно, в пещеру с алтарём, вернее, со странным столом. Ростислав выпускает мою руку только у входа в большую общую столовую.

Шум голосов, грохот посуды, тяжёлые мужские смешки — всё это обрушивается на меня, и я инстинктивно отступаю, прячусь за Альфу.

Что-то мне не очень нравится находиться среди толпы голодных до женщины оборотней...

— Не бойся, — голос Ростислава звучит прямо над ухом, низкий и спокойный. — Они не тронут. Не посмеют.

Он входит первым, и гул стихает почти мгновенно. Десятки глаз — жёлтых, зелёных, карих — устремляются на нас. На меня.

Чувствую себя Белоснежкой, забредшей в логово гномов. Только гномы эти — двухметровые, мускулистые и с очень голодными взглядами.

Ростислав ведёт меня к длинному столу, уже уставленному мисками с мясом, хлебом и какими-то кореньями. Он указывает на скамью.

— Садись. Ешь.

— А яблочка не найдётся? — бормочу себе под нос, вспоминая сказку. — Отравленного?

Он слышит. Уголок его губ дёргается.

— Наше мясо не отравлено. Оно просто... свежее.

Я осторожно опускаюсь на скамью, стараясь занять как можно меньше места.

Ростислав садится рядом, его массивное плечо почти касается моего. Он служит живым щитом между мной и остальными.

Как могу, прячусь за его могучую спину.

Еда простая, грубая, пахнет дымом и травами — её явно готовили на открытом огне.

Но, на удивление, всё очень вкусное. Я ем медленно, чувствуя на себе десятки взглядов. Они не агрессивные, скорее... любопытные. Изучающие.

Молодой оборотень с чёлкой — Гордей, как его зовут другие — через весь стол улыбается мне застенчивой полной надежды улыбкой.

Я не успеваю даже кивнуть в ответ, как Ростислав, не глядя на него, издаёт тихое, низкое рычание. Оно почти неслышно, но парень мгновенно краснеет, отворачивается и с энтузиазмом начинает уплетать свою похлёбку.

Внутри у меня что-то ёкает. Значит, я нравлюсь Ростиславу?

Не как добыча. Не как заложница. А как женщина. Иначе зачем ему так ревниво отгонять от меня других мужчин, пусть ещё и молодых?

А мне-то Ростислав точно нравится. Этот дикий, опасный, непредсказуемый тип, который держал меня в клетке, сейчас сидит рядом и своим присутствием создаёт вокруг меня безопасный пузырь.

Это до смешного противоречиво и до ужаса притягательно.

Я украдкой смотрю на его профиль. Он ест сосредоточенно, его челюсть ритмично работает.

Мы заканчиваем ужин в почти полной тишине. Ростислав встаёт, и все взгляды снова прикованы к нему.

— Идём, — говорит он мне, и в его голосе нет места возражениям.

— Куда теперь? — спрашиваю я, поднимаясь с места.

Ноги немного дрожат. От усталости. Или от чего-то ещё.

Скорее всего, просто от его присутствия...

— Покажу кое-что.

Он ведёт меня через поселение к большому сараю. Внутри пахнет бензином, маслом и пылью. Стоят несколько квадроциклов.

Ростислав подходит к одному, самому большому и грозному на вид.

— Садись.

— Ты серьёзно?

— А ты думала, будем на лошадке кататься под луной? — он заводит мотор. Рёв двигателя оглушает меня. — Садись, Катя.

Слышу своё имя и невольно улыбаюсь.

Я забираюсь на пассажирское сиденье, с трудом нахожу за что ухватиться. Он смотрит на меня через плечо, и в его глазах я вижу огонь азарта.

— Держись.

Мы выезжаем за ворота и несёмся в ночь. Ветер бьёт в лицо, срывает с губ все вопросы. Я инстинктивно вжимаюсь в его спину, цепляюсь за его могучий торс.

Ростислав твёрдый, как скала. Тепло от его тела проникает сквозь ткань, и я понимаю, что никогда в жизни не чувствовала себя такой... живой.

Мы мчимся по едва заметной тропе, петляя между деревьев. Луна освещает наш путь, превращая болото в загадочный серебристый пейзаж. Я закрываю глаза, прижимаюсь к нему и просто дышу его запахом.

Наконец, Ростислав замедляется и останавливается. Мы на краю леса. Впереди — ничем не примечательная полоса земли, заросшая жухлой травой.

— Здесь, — говорит он, заглушая двигатель.

После рёва мотора тишина наваливается на нас оглушительная. Я слезаю с квадроцикла, ноги дрожат, будто я пару километров пробежала.

— Что это за место?

— Граница, — он подходит к самой кромке леса. — Рубеж, за который мы не можем перейти.

Он протягивает руку вперёд, и я вижу, как его пальцы упираются в невидимую преграду. Воздух перед ними слегка мерцает, как полуденное марево над асфальтом в жаркую погоду. Только сейчас холодно и темно...

— Давай попробуем, — говорит он и берёт меня за руку.

Его ладонь обжигающе горячая. Ростислав делает шаг вперёд, тянет меня за собой. Я чувствую сопротивление, словно мы пытаемся пройти сквозь густой, невидимый кисель.

Ростислав напрягается, мышцы на его руке становятся каменными. Но ничего не происходит. Мы не можем пройти.

Он отпускает мою руку и разочарованно выдыхает.

— И с чего я поверил в эту блажь... — говорит он и поворачивается ко мне. — Теория брата — бред.

— И что это значит? — тихо спрашиваю я.

— Это значит, — он подходит ко мне вплотную, и его глаза горят в темноте, — что теперь ты застряла здесь. С нами. И это очень, очень плохо. Для тебя. Да и для всей стаи.

Его голос становится тихим, опасным.

— У меня тут пятнадцать голодных мужчин. И одинокая, беззащитная женщина. А ты ещё и... — его взгляд скользит по мне, медленный, оценивающий, отчего по телу бегут мурашки, — ...такая...

Он вздыхает, так и не договорив. Да это и не надо, я прекрасно понимаю, что в этой ситуации мне достаточно просто быть женского пола, чтобы они все сошли с ума...

Я замираю, сердце заходится где-то в горле. Он смотрит на меня так, будто я десерт.

Кажется, самому Ростиславу уже сложно сопротивляться. И как он будет тогда сдерживать стаю?

— Ладно, — он резко отворачивается и делает несколько шагов к квадроциклу. — Поехали. Ночи становятся холодными.

Его фигура на фоне леса выглядит огромной и одинокой.

Стою и смотрю то на Ростислава, то на невидимую границу. На то место, где его рука встретила сопротивление. И во мне всё замирает.

А что, если...

Я делаю маленький, неуверенный шаг. Стараюсь не шуметь. Потом ещё один. Жду сопротивление, ту же упругую преграду, что ощутила, когда мы с вместе попытались выйти.

Но её нет.

Я прохожу черту, которую только что не смог переступить Ростислав. Мои ноги ступают по жухлой траве по ту сторону границы.

Я оборачиваюсь. Ростислав всё ещё стоит спиной ко мне, у квадроцикла, ничего не замечая.

Свобода. Вот она, в паре метров от меня. Тёмный, неизвестный лес, но — свобода.

Я могу просто... уйти. Исчезнуть. Вернуться к своей жизни.

Вернуться к Славику? К Лике?

Я смотрю на широкую спину Ростислава. На человека, который только что потерял очередную надежду на то, чтобы выбраться с этих проклятых болот.

На моего похитителя.

На моего, возможно, «истинного».

Сердце колотится как сумасшедшее. Сделать шаг вперёд — к свободе. Или шаг назад — к нему?

И от этого решения зависит всё...

Глава 8

Я замираю на месте, разрываясь между инстинктом самосохранения и чем-то другим, тёплым и опасным, что заставляет моё сердце биться чаще.

Вернуться к старой жизни, где меня предавали? Снова испытывать боль? Или рискнуть и остаться здесь?

Теперь я знаю, что могу сбежать, надо лишь не переступить границу обратно.

Сердце колотится так громко, что Ростислав вот-вот услышит его.

— Чего копошишься? — бросает он, а я резко делаю шаг.

Назад.

Трава под ногами скрипит. Ростислав оборачивается. Но я уже стою здесь, на проклятых землях, будто и не была за границей.

— Ты... — он начинает и пристальнее присматривается, — что делаешь?

— Я не могу, — шепчу я, и слёзы сами катятся по щекам. Ума не приложу, почему плачу. От страха? От облегчения? — Я не могу.

Повторяю это, толком сама не понимая, что несу.

Ростислав молча смотрит на меня несколько секунд, его грудь тяжело вздымается. Потом он делает два быстрых шага и берёт мои руки в свои. Притягивает к своему горячему торсу и заглядывает в мои огромные глаза:

— Не переживай, — говорит он. Его голос низок, почти нежен. — Я возьму тебя под свою защиту. Никто не посмеет тебя тронуть. Клянусь. Ты будешь в безопасности.

Он ведёт меня обратно к квадроциклу. На этот раз я сажусь без возражений, мои руки автоматически обвиваются вокруг его талии.

Внутри меня бушует океан. С одной стороны, я до безумия хочу рассказать ему, что выбрала остаться здесь сама. С другой — прекрасно понимаю, что надо держать язык за зубами.

Это мой козырь. И мой путь к отступлению в случае чего.

Но сейчас...

Сейчас я выбрала его. Думаю, это и есть моё испытание.

Мы едем обратно. Несёмся по узкой, извилистой тропе. Деревья мелькают с такой скоростью, что едва различаю их силуэты в кромешной темноте.

— Слав, — прижимаюсь к нему всем телом, — а почему ты думаешь, что я не могу быть твоей истинной?

— Не можешь, и всё, — бросает он.

А я, повинаясь своим инстинктам, обнимаю его ещё сильнее и прижимаю к его уху.

Он оборотень, его слух сильнее, он точно услышит меня.

— А может, ты просто боишься себе признаться в этом? Ты же хочешь меня. Не так ли?

Слова льются так легко, что мне кажется, они должны подействовать на этого упрямого Волка. Он же должен понимать, что всё происходит не просто так?

Ростислав на секунду оборачивается ко мне. Его глаза вспыхивают жёлтым. Да так ярко, что чуть не ослепляют меня в ночи.

Следом раздаётся хруст и громкий хлопок. Квадроцикл кренится на скорости.

Вокруг меня будто вырастает мягкий кокон. Скорость падает, а через секунду я вываливаюсь из своего убежища на холодную землю.

Спина касается камней, но мне не больно. Что-то мягкое, тёплое лежит между мной и твёрдой поверхностью.

Широко открываю глаза и ахаю. Надо мной висит громадный волк. Нет, вовсе не как в зоопарке. Намного больше. Его пасть в паре сантиметров от моего лица, но я теряю дар речи — даже пискнуть не могу.

Искренне надеюсь, что Ростислав в этом состоянии дружит с головой и не решит избавиться от проблемы таким простым способом, как просто прибить меня прямо здесь...

Упираюсь обеими руками в его мохнатую грудь и еле выдавливаю:

— Ты меня слышишь? Понимаешь?

В ту же секунду он превращается в человека и чуть не падает на меня, удерживаясь на локтях.

Божечки!

Осознаю, что на мне лежит совершенно голый, потрясающе красивый и мускулистый мужик. Пожалуй, это по уровню впечатлений затмевает половину произошедшего ранее.

— Прости, — выдавливает он улыбку, а я еле удерживаю руки лишь на его груди.

— Спасибо, что не дал мне разбиться, — говорю, тяжело дыша.

Ростислав коротко оглядывает себя и цокает. Да... конфуз. Интересно, а запасные вещи у него в квадрике есть?

Раскатываю губу и тайно надеюсь на бесплатный стриптиз.

— Угу, всегда пожалуйста. Ты не могла бы глаза закрыть?

— Д-да, разумеется...

Закрываю глаза и чувствую, как Ростислав поднимается. Приоткрываю глаза от дикого любопытства и наблюдаю, как он быстро подходит к квадрiku и достаёт из небольшого багажника штаны.

Эх... шоу окончено.

— Вставай, — он протягивает мне руку.

Поднимаюсь и начинаю отряхиваться, а Ростислав приникает к моему уху и тихо спрашивает:

— А тебя не учили, что подглядывать — нехорошо?

Заливаюсь краской и радуюсь, что на улице ночь. Хотя, наверное, он всё прекрасно видит.

— Извини... — шепчу в ответ и еле сдерживаю улыбку. — Но тебе нечего стесняться. Отлично выглядишь.

Он качает головой и усмехается:

— Предлагаю два варианта. Первый: здесь неподалёку есть заброшенный дом. Можем переночевать там, а утром вернуться в деревню. А второй, могу домчать тебя обратно на спине.

Вздёргиваю брови:

— В виде Волка?

— Ну да, в виде человека я буду идти чуть быстрее тебя, так что к утру, если дойдём, то хорошо.

— Я не хочу на Волке ехать, — мотаю головой.

К такому я ещё не готова. Когда Ростислав висел надо мной в своём облике зверя, как-то желания использовать его вместо ездовой собаки не возникло.

Решено. Идём в дом.

Через несколько минут мы останавливаемся на небольшой поляне.

— А почему ты думаешь, что мы не истинные? — снова пытаюсь вернуться к этой теме.

Я не верю, что оказалась здесь просто так!

Ростислав вздыхает, проводя рукой по волосам.

— Если бы мы были истинными, мы бы уже поняли это. Без всяких проверок. Это... вспышка. Мгновенное узнавание. Как удар молнии. Это не спутать ни с чем.

— А может, не выходит из-за проклятия? — осторожно предполагаю я, у Теи ведь было так же. — Может, оно мешает? Маскирует истинность?

Его лицо мгновенно мрачнеет.

— Ох уж этот Велимир. Только языком и горазд трепать.

— Не злись на него, — говорю я, и сама удивляюсь своей защите. — Я его понимаю. Он отчаянно хочет выбраться. Ты же тоже пошёл проверять его теорию. Значит, где-то в глубине души тоже надеялся.

— Не лезь не в своё дело, Катя, — рычит он, делая шаг ко мне. — Ты не понимаешь, с чем имеешь дело. Наши законы, наша иерархия... это не детские игры.

— Думаешь, я не понимаю? — поднимаю на него глаза, и внезапная смелость наполняет меня.

Он замирает. Его глаза такие пронзительные в лунном свете. Я замечаю, как его дыхание сбивается. Как его взгляд падает на мои губы.

Импульс приходит внезапно. Я встаю на цыпочки и прижимаюсь губами к его уху.

— А может, не надо думать? — шепчу я, и моё дыхание, должно быть, обжигает его кожу. — Может, надо просто почувствовать?

Он вздрагивает, как от удара током. Его руки рефлекторно хватают меня за бёдра. Он отстраняется всего на сантиметр. Его глаза пылают, изучая моё лицо:

— Это не игра, Катя, — его голос звучит хрипло. — Если мы это начнём... обратной дороги не будет.

— Я уже сделала свой выбор, — шепчу я в ответ. — Твоя очередь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.